

ГЛАВА 1. ПРЕДЧУВСТВИЕ? ОПРЕДЕЛЕННО - НЕТ

ФЕВРАЛЬ 2008, ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МАДЛЕН

Сегодня воскресенье, карнавал. В отдалении слышны выстрелы охотников на зайцев, громыхающие над низкой растительностью сельского района Баррокал.

Проснувшись, я решаю остаться дома. С недавнего времени у меня пропало желание выходить на улицу, прогуливаться, встречаться с людьми. Вместо этого я тоскую по тишине и спокойствию. Этим утром ярко светит солнце, обещая чудесный день; но после обеда начинает идти дождь, разрушая надежду на праздничный парад.

Из окна я люблю сельской местностью Алгарве: розовый и снежно-белый цвета миндальных деревьев контрастируют с голубизной моря, виднеющегося в отдалении. Внезапно звонок телефона – совсем необычный в последнее время – выводит меня из летаргического состояния; необходимо вернуться к реальности.

Знакомый голос в трубке, колеблясь между гневом и горечью, спрашивает меня: «Как ты? Слышал интервью с нашим национальным директором?»

Я отвечаю, что не слышал и удивляюсь, с чем связано явно выраженное беспокойство моего собеседника. «Он говорит, что мы действовали чересчур круто. Что отдавать супругов под следствие было преждевременно... Я удивляюсь, что на него нашло? Он же полностью утвердил это решение. Что он намеревается делать? Прекратить расследование?»

Он имеет в виду расследование, предпринятое после исчезновения маленькой английской девочки в возрасте почти четырех лет ночью с 3 на 4 мая 2007 года в отеле «Оушн Клуб», одном из многочисленных туристических комплексов в деревне Луш в Лагуше, Португалия. Ее звали Мадлен Бет Макканн, она спала в спальне в жилом корпусе комплекса рядом с сестрой и братом – близнецами в возрасте 2 лет. В это время родители ужинали в ста метрах от них в компании друзей и партнеров по отдыху. Это газетное сообщение было началом криминального расследования, материалы которого не опубликованы в Португалии и, я думаю, в остальном мире. Несмотря на это, дело получило беспрецедентное освещение в СМИ. Выдвигались бесчисленные предположения, смешивающие правду и ложь; в то же самое время с регулярностью полицейских информационных бюллетеней проводилась кампания дезинформации с целью дискредитации работы следователей. Для меня расследование завершилось 2 октября 2007 года, когда, как кажется, пришел новый английский ультиматум, совпав по времени с обсуждением Лиссабонского соглашения.

С учетом того времени, в течение которого я был зрителем спектакля, разыгрываемого СМИ, включая его апофеоз - опубликование Макканнами эскиза фоторобота предполагаемого похитителя, ничего меня уже не может удивить. «Не беспокойся, это карнавал»... Я поддерживаю разговор, будто ничего не происходит, но где-то в глубине души у меня такое чувство, что мир рушится вокруг меня.

После окончания разговора я возвращаюсь к созерцанию миндальных деревьев в цвету, посаженных на твердой почве Алгарве. Интересно, покоится в этой земле тело, и, в конце концов, не слишком ли круто поступает Господь, заставляя эти деревья цвести зимой... А затем я говорю себе – нет. Вспоминается легенда о принцессе из северной земли, вышедшей замуж за мавританского короля. Зимой она тосковала по снегам своей страны, которых ей так не хватало.

Тогда монарху пришла в голову идея посадить в округе миндальные деревья. Поэтому, когда приходила зима, молодая женщина из окон своего замка могла видеть белый покров устилающих сельскую местность цветущих деревьев, и ее грусть рассеивалась.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: ПРОВИНЦИЯ АЛГАРВЕ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

С незапамятных времен Алгарве была регионом, открытым миру. Ее геополитическое положение, ее небо, климат и гостеприимство ее обитателей всегда привлекали людей из других регионов. Финикийцы, карфагеняне и греки прошли через нее; римляне утвердились здесь и построили пути сообщения. Многочисленные памятники - в Эстои, Вильямуре, Абикаде, Вилья да Луш - свидетельствуют об их присутствии. Влияние мавров, которые расширили Аль-Андалуз (так они называли этот регион) к западу от Кордовы, до Аль-Гарба, очень сильно проявляется в культуре Альгарве.

История взаимоотношений между Альгарве и Англией является давней и бурной. Между 1580 и 1640 годами, когда Португалия потеряла свою независимость и была включена в состав Испанской империи, Фару подвергся нападению войск графа Эссекса. Последний захватил, помимо другой добычи, предмет особой ценности – не менее чем 3 тысячи томов из библиотеки Жеронимо Осториу, епископа Алгарве. Среди этих книг было Пятикнижие (первые пять книг Библии) на иврите, напечатанное в Фару в 1487 году Самуилом Гаконом, еврейским печатником. Эта работа, имеющая историческое значение (первая напечатанная в Португалии книга) хранится в Британской библиотеке в Лондоне. Позднее алгарвийцы будут помогать англичанам оборонять Гибралтар - стратегический пункт для флота Британских королевских военно-морских сил.

Алгарвийцы всегда демонстрировали дух независимости, не колеблясь оказывая сопротивление любым попыткам покорить их. В девятнадцатом веке во время французского вторжения первыми, кто заставил наполеоновские войска отступить, были алгарвийцы. Население Ольяна восстало и отразило наступление захватчиков около Куэлфеса; молодые люди города отправили крошечную барку к королю Жуану VI, в то время находившемуся в изгнании в Бразилии, в Рио-до-Жанейро, с известием об освобождении родной страны. Португалия – страна храбрых и добросердечных людей, отрицающих высокомерие и оскорбления, гордящихся своей самобытностью и независимостью, даже от Европейского Союза. Это также современное государство, которое привлекает множество инвесторов и туристов, и, более того, играет важную и признанную дипломатическую роль. За свою историю Португалия заключала пакты, подписывала договоры и вступала в двухсторонние союзы со многими странами: Порто-Британский Союз является хорошим примером, доказательством жизнеспособности отношений между двумя странами, и главное – глубокого взаимопонимания.

Теперь Алгарве специализируется на туризме; с 1960-х годов здесь останавливались в основном англичане. На этой гостеприимной земле и пропала маленькая Мадлен.

РАССЛЕДОВАНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧАННОЕ НА СДАЧУ В АРХИВ

Я чувствую: этим телевизионным заявлением национальный директор намеревается подготовить общественное мнение к неизбежному, чего уж говорить, прекращению расследования и закрытию дела.

У меня создается впечатление, что такое решение было намечено еще 2 октября и что все предпринятые после этой даты действия были только вопросами проформы, имевшие единственной целью придерживаться заранее заданного графика. Я боюсь, что оспаривание

результатов всей нашей предыдущей работы по расследованию является всего лишь предисловием к закрытию дела, которое начало подрывать позиции Судебной Полиции, следователей и Португалии. Возможно, поэтому оно и должно быть закрыто.

Попадание родителей Мадлен под следствие – Кейт Хили и Джеральда Макканна в качестве подозреваемых (*arguidos*) – ознаменовало собой поворотную точку в отношениях между полицией, занятой расследованием, и этой семейной парой. Офицеры португальской полиции стали рассматривать Макканнов как потенциальных подозреваемых, а их британские коллеги – нет. К этому времени полицейские службы обеих стран, казалось, достигли согласия в относительно принятия версии смерти ребенка в номере. Но британская полиция – без какого-либо реального оправдания – неожиданно отступила назад и отказалась использовать этот след. Нам всегда казались странными манеры обращения с четой Макканнов, даже после того как они были отданы под следствие, и мы часто задавались вопросом, как Макканнам удавалось получить доступ к информации, которая никогда не раскрывалась перед публикой.

Я вспоминаю различные моменты расследования, и воспоминания начинают литься рекой; я думаю о маленькой девочке, которой не исполнилось и четырех лет и которую лишили права на жизнь.

Может показаться, что идут приготовления к «замыливанию» дела, что важность вещественных доказательств преуменьшается, что оно теряет силу. Следовательно, игнорируются права этого ребенка, равно как и права множества других детей. Кто хочет дойти до этой точки? Кто хочет моего удаления от оперативной координации расследования? Кто хочет снять статус подозреваемых с Макканнов и Мюрата? Те, кто поддерживают версию похищения? Те, кто утверждает (я даже пойду дальше и скажу: именно они) – что в Англии эти подозреваемые были бы уже арестованы? Или те, кто распространяет ложь, удаляясь от поиска настоящей правды? Закрытие дела определенно отвечает чьим-то интересам.

После моего отъезда из Портимана 2 октября 2007 года я решил забыть об этом деле. Возможно, лучший вариант, учитывая какие силы вовлечены в него. Если власти ее собственной страны более не заинтересованы в выяснении того, что случилось с девочкой, и удовлетворены версией похищения, почему сам я должен беспокоиться об этом? Определенно не неудачное заявление директора полиции (как, возможно, заключил журналист) заставило забыть имеющиеся доказательства – я больше не думаю, что таковым было его намерение. Единственным способом избавиться от свидетельств всего того, что было сделано, – уничтожение официальных документов дела. Но, кроме того, остается еще наша память, память все тех, кто участвовал в этом расследовании по установлению истины.

Раздается еще один телефонный звонок: это моя жена София. Она беспокоится за меня, как и все время, начиная с 3 мая прошлого года, теперь уже девять месяцев. Раньше наша супружеская жизнь уже переживала периоды взлетов и падений; после этой даты дело пошло хуже. Я превратился в «отсутствующего» отца и супруга. Сначала я отдалился от семьи, чтобы оградить их от давления СМИ, а также из-за объема работы, диктуемого расследованием; теперь я живу один и чувствую определенную горечь; я не могу не ощущать себя преданным организацией, которой я посвятил более четверти века. Все, что случилось со мной, кажется несправедливым и не имеющим смысла. Моя семья не заслужила этого.

София шокирована заявлениями национального директора.

- Приезжай, давай поужинаем вместе в Портимане. Дети у дедушки с бабушкой. Мы можем немного побеседовать обо всем этом.

Я решаю ехать. Мне необходимо услышать слова поддержки.

С тех пор я тщательно слежу за всеми деталями. Я убеждаюсь в важности заявлений национального директора, который всегда утверждал, что все версии расследования должны быть изучены и оставаться открытыми. Что они должны быть открыты, насколько это возможно, но они должны быть изучены.

Мог ли быть забыт тот факт, что мы решили официально перевести двух людей в статус подозреваемых в совершении преступления по сокрытию тела и инсценировке похищения?

Вскоре после этих событий я услышал, как мой бывший преподаватель по политологии и конституционным правам Марсело Ребело де Соуза в ходе телевизионного интервью объяснил заявление национального директора. Я прекрасно помню его курс о разделении властей. Он утверждает, что слова директора убили расследование. И снова – смерть расследования! Но ведь речь идет о смерти ребенка! Да, я подтверждаю, ребенок мертв! И эта уверенность основана не на туманных предположениях, нет, я базируюсь на фактах, деталях, уликах и свидетельствах, отраженных в официальных документах. Много было задано вопросов. Но где же ответы?

Пытаясь найти их, я думаю про себя, что будет разумным вернуться к началу расследования – пока оно еще свежо в памяти – к моменту, когда исчезла девочка. Столько много всего было сказано... Настало время рассказать эту историю одному из тех, кто отвечал за операционную координацию и кто пережил ее сам в окружении мужчин и женщин, составляющих элиту Судебной Полиции.

БЛАГОРАЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ

В Портимане я встречаюсь с главным инспектором Таваресом де Альмейда, членом возглавляемой мною команды. Мы знакомы с самого начала службы в Судебной Полиции. Он взволнован заявлениями национального директора; он слышал, что наша работа подвергнется расследованию. Запрос на данную тему якобы уже представлен национальной дирекции Судебной Полиции. По его словам, это позволит восстановить правду и приведет к признанию высокого качества проделанной нами работы.

В течение пяти месяцев, пока длилось расследование, мы слышали множество разных комментариев, но продолжали свою работу. Мы напоминаем друг другу обо всем, что было сделано, сделано с большими усилиями, желанием и честностью, и мы уверены, что никто бы не смог сделать лучше. Хотя это и может показаться самонадеянным, но данное мнение - справедливое признание добросовестного отношения всех тех сотрудников полиции, которые работали над делом.

- Они не умеют считать! Как они могут обвинять нас в преждевременности, когда Макканны были объявлены подозреваемыми спустя четыре месяца после случившегося! Разве они не знают о принципе отказа от дачи невыгодных для себя показаний?

Невозможно законным образом продолжать получать показания от человека, имеющего статус свидетеля, если эти показания могут впоследствии быть обращены против него. Пока свидетель дает показания в рамках расследуемого дела, и в определенный момент становится понятным,

что он сам может быть вовлечен в совершение противозаконного действия, ему присваивают статус подозреваемого (arguido). Поэтому с такого момента он имеет свои права и обязанности. Вопреки всему тому, что можно прочесть в прессе, особенно английской, подозреваемый защищен и имеет право на молчание, в котором никто не может его обвинить, что совсем не так, как в случае, если его заслушивают как свидетеля.

- Я с вами согласен. Если и была сделана ошибка, то она заключалась в том, что потребовалось слишком много времени для объявления Макканнов подозреваемыми. Слишком много политики, вот в чем дело, слишком много политики и недостаточно полиции.

- Я бы сказал так: скорее ошибка заключалась в том, что с Макканнами носились как с «писаной торбой». С начала расследования мы осознали, что определенные вещи «не стыкуются», но увы, они продолжали пользоваться благосклонным отношением; вот что ненормально!

- А не думает ли национальный директор, что пара покинула Португалию только после того как была отдана под следствие?

- На самом деле Макканны оставались в Португалии пока мы придерживались версии похищения, с того момента, как она была поставлена под сомнение, они заговорили о возвращении в Англию.

- А из чего можно заключить, что отдавание их под следствие дало им повод для выезда из страны...

- Знаете, некоторые английские журналисты считают Португалию страной Третьего мира. Конечно, я не соглашусь с таким определением. И все же, если это не страна Третьего мира, то почему тогда руководитель проводимого расследования увольняется, когда качество его работы не вызывает сомнений...

- Ведется множество разговоров и «политизированности» закона... забывают о том, до какой степени можно влиять на ход расследования.

- Здесь явная альтернатива: либо расследование поручается заслуживающим доверия людям, либо, если оно идет «не так», то ответственные за расследование заменяются более «надежными» людьми.

- Я не верю, что в этом была главная причина.

- Всегда найдутся обоснованные и абсолютно законные аргументы. Фактически, те, кто должен стоять на пути такого политизированного расследования – это высшие офицеры полиции. Они должны противостоять любой ситуации или действию, которые грозят внести предвзятость в расследование и в его правильное ведение. Они не должны соглашаться на что-либо под предлогом боязни за свое рабочее место.

- Нет, вы знаете, что нельзя руководить полицией в соответствии с личными интересами, а надлежащим образом учитывая общественные интересы. Только так мы можем воспринимать полицейскую организацию в демократическом государстве.

- Хорошо, но смотрите, к чему мы пришли! Вот увидите, скоро подозреваемые сами будут выбирать, кому возглавлять расследование. Может быть, это по-современному...

- По современному... Скорее в личных интересах, вы имеете в виду! Прискорбно!

- На тему о прискорбном: видели ли вы какую-нибудь недавнюю игру Бенфики?

- Это уже не футбол, а не знаю даже что. Кстати, вы Гайвоту не встречали?

Гайвота – фамилия бывшего игрока Бенфики, жившего в Портимане в период расследования. Настоящий товарищ, деливший с нами и хорошее и плохое. Я помню его доброту и терпение, с которыми он оказывал мне поддержку.

- Если бы он оставался в Бенфике, может быть ее оборона и сгодилась на что-нибудь.

ЗА СЦЕНОЙ РАССЛЕДОВАНИЯ: КРИЗИСНАЯ ГРУППА

София прислушивается в нашему разговору. Она знает о важности работы, выполняемой Таваресом де Альмейдой. Именно он обеспечивал жизнеспособность кризисной группы в ходе всего расследования, до отъезда последнего офицера английской полиции, когда семья Макканнов вернулась в Англию. Как будто после этого не было более необходимым продолжать расследование исчезновения Мадлен.

Именно он почти каждый день открывал в 6 часов утра помещение офиса и не покидал его не ранее полуночи. Через это помещение проходила вся информация: там мы накапливали все получаемые данные, принимали электронные сообщения, отвечали на телефонные звонки и сообщения от офицеров полиции, работавших над делом. Эта комната была настоящим нервным центром расследования. Здесь анализировалась различная информация, чтобы отделить те сведения (отчеты или свидетельские показания), которые действительно представляют интерес, от всех остальных, порождающих разного рода домыслы. Необходимо было провести правильный отбор, особенно в отношении свидетелей, которые множились по мере того, как освещение дела СМИ стало приобретать немыслимые пропорции.

Английские следователи занимали соседнюю комнату: между двумя этими помещениями непрерываемым потоком циркулировала информация. Британские следователи принимали участие в наших совещаниях, внося записи в свой журнал под названием *Major Incident Enquiry Officer's Rough Book*.

Еще одна комната была предназначена для информации более практического свойства, например, регистрации всех педофилов, находящихся в регионе, с целью выявления их возможной связи с нашим делом, а также построения диаграмм связей; тяжелая и кропотливая работа огромного значения, результаты которой были потом отправлены в кризисную группу.

Помимо исполнения других своих обязанностей, Таварес готовил документы – многие из которых необходимо было переводить – позволяющие распределять работу между различными группами, на месте выполняющими текущие задачи в целях надлежащего управления длительным процессом расследования. Негодование, которое они сейчас чувствуют, вполне законно. Они ощущают глубокое чувство несправедливости: Судебная Полиция не только не знает, как их защитить, но и ставит под вопрос их компетентность.

В течение нескольких дней после заявления национального директора циркулирует слух о том, что его самого скоро уволят. И снова Судебная Полиция погружается в кризис; и снова этот кризис должен быть разрешен путем серии отставок на высших уровнях иерархии. Все же стабильность – одно из основных условий успеха ее миссии, полностью посвященной служению обществу.

Как могло случиться так, что криминальное расследование – в нашем случае, предпринятое в результате исчезновения английской девочки – так сильно навредило многим (португальскому

правосудию, Судебной полиции) и скомпрометировало давно налаженное сотрудничество полицейских органов двух стран?

Какие силы сделали расследование таким трудным, что его резко оборвали? Еще раз рассказав о произошедшем в рамках расследования, может быть можно будет найти ответ на этот вопрос и бросить новый свет на эти события.

Я приглашаю исследователей в сопряженных отраслях науки изучить это дело для того, чтобы понять, как некое драматическое событие может быть превращено в одно из наиболее громких и обсуждаемых СМИ событий нашего времени.